

ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЙ КОД ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

ЛЮДМИЛА ЧЕРНЫШОВА

*Белорусский государственный педагогический университет
bspu@bspu.unibel.by*

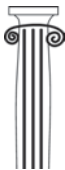
В ходе контактов с окружающей средой у человека, нации возникает в сознании глобальный образ мира, который отражается в результатах деятельности, в том числе в языке. Уникальность языка в том, что он представляет собой особый код, который реализуется, в свою очередь, в различных более мелких кодовых системах. Разные фрагменты, персонажи, объекты мира могут служить основой различных кодов. Так формируются астральный, зооморфный, орнитологический и другие коды.

Язык, обладая «культурной памятью», воздействует не только на воспроизведение культурных традиций его носителей, но и формирует их коллективную ментальность. Таким образом, исследуя культурную информацию, заключенную в языке, можно выявить особенности мировидения той или иной нации.

Данная статья представляет собой попытку реконструкции русских и белорусских обыденных взглядов на мир в рамках орнитологического кода на примере образа *воробья* по данным фразеологии (в неё мы включаем также паремиологию), т. к. фразеология служит одним из источников реконструкции обыденной, наивной картины мира. Наивная картина мира устойчива и постоянно воздействует на сознание носителей языка, формируя специфику менталитета. Выявляя и сопоставляя национально-культурную информацию, содержащуюся в устойчивых выражениях, можно, кроме сходств, обнаружить и различия, знание которых всегда важно для взаимопонимания между народами.

Интерес именно к этой птице вызван тем, что, с одной стороны, и у русских, и у белорусов лексема *воробей* используется для номинации птиц вообще: *воробей водяной* – водяной дрозд, *синий воробей* – снегирь и др. (СРНГ, 102; СБГ, 297), т. е. определяет вид; с другой стороны, воробей стоит особо: *Птицы и воробьи в пыли купаются – к дождю*, и это родовое определение.

В различных мифопоэтических традициях птицы выступают как непременный элемент религиозно-мифологической системы и ритуала, обладающий разнообразными функциями. Они могут быть божествами, героями, тотемными предками и др. и являются особыми классификаторами и символами

божественной сущности, верха, неба, свободы, связи между космическими зонами, духа, жизни и др. Птицы принадлежат стихии воздуха. На мировом дереве или дереве жизни место птицы на его вершине. В качестве птицы мирового дерева в каждой конкретной традиции обычно выступает наиболее царственная птица, чаще всего орел.

Связь со стихией воздуха слабо репрезентирована во фразеологии, хотя в семантическом словаре Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова воробей, как и другие птицы, отнесен к верхнему миру (Гамкрелидзе 1984, 541). Принадлежность верхнему миру, стихии воздуха наиболее отчетливо обозначена в белорусской устойчивой единице *У яго вераб'і ў шапцы*. Так говорят о человеке, который не снимает шапку при входе в помещение и фактически приносит чужое, не дом, в свое, в дом (БППФ, 481). Такое поведение неэтично, и значение фразеологизма получает развитие: *человек с воробьями в шапке* – глупый человек (Садоўская 2001, 218), ту же семантику несет устойчивая единица *У яго галаве вераб'і начавалі*.

Воробей – птица, лишенная сакрализации. Только в белорусском материале встречаем одну устойчивую единицу, аллюзию на библейское изречение: *Верабей не сее, не жне, а зярняткі клюе*. В остальном материале локализация воробья – рядом с человеком. Не зря его научная дефиниция – *Fringilla domestica* ‘воробей домашний’. Толковые словари тоже отражают эту сему: «Маленькая птичка с коричневато-серым оперением, живущая обычно близ жилых строений» (СРЯ, 212), «живущая рядом с человеком» (ТСБМ, 477).

Локализация рядом с человеческим жильем обусловила тесную связь между воробьем и человеком. Эта «домашняя» птичка в русских и белорусских наивных представлениях в оппозиции *свой-чужой* связана с первым членом, а в оппозиции *дом-не дом* – со вторым (Иванов 1965). Белорусы говорят: *Дзяржыся з варонаю і вераб'ём, што ў вырай не ляцяць*. Отношение к воробью как к своему репрезентируется и уменьшительно-ласкательными формами *воробышек/варабейка, варабьяк*.

Во фразеологии указывается конкретное место его обитания, по данным русского материала – под крышей, стреха: *В добру пору воробью ненастье, коли стреха под боком; Полон шестик воробышков; Полна поветка воробышков*, белорусского – во дворе, при хозяйстве. Белорусская фразеология принадлежит к своему эксплицирует отчетливее: *І варабьяк на сваім падворку спраўны; Сваёй гадоўлі вераб'і; На сваім сметніку і варабей гаспадар*.

По поведению этой птички издавна угадывали погоду: *Шумят как воробьи на дождь; Воробьи гнезда вьют – к вёдру; Воробьи щебечут – к дождю*.

Отношение к воробью как к своему, как к существу среднего мира, как к составляющему человеческого микрокосмоса обусловило антропоморфизм в представлениях о нем. Воробей является эталоном величины человека, это мужчина маленького роста (СРНГ, 102): *Сам с воробья, а сердце с кошку* и др. Из материала видно, что для русского и белорусского обыденного сознания вообще характерно восприятие воробья как характеристики объема, размера,

то есть птица используется как эталон меры. Кроме уже приведенных примеров, можно привести и другие. В качестве эталона малой величины в русских и белорусских устойчивых выражениях используется *воробьиный нос, воробьиный шаг, воробьиный скок, воробьиное колено*. В белорусской фразеологии это также душа: *З вераб'ёву душу*, слабость: *Прынёс, як верабей*; *Сілы, як у вераб'я*; *Узяў, як верабейка*.

Ничтожность габаритов передается посредством воробьиной еды. В русском материале это *воробьиный глоток*. Эту же сему несет выражение *Разложи воробья на 12 блюд*, где сама птица ассоциируется с едой. В белорусском примеров значительно больше: *Даў, як вераб'ю на закуску*; *Есці, як верабейку*; *Як вераб'ю ўключуць*; *Вераб'іны харч*.

Несмотря на небольшой объем потребляемой пищи, воробей в русской фразеологии представлен как птица прожорливая.

Эта сема также представлена в противопоставлении с *соловьем* (в русском материале), и *синицей* (в белорусском). Отмечается, что воробей, как и простой человек, крестьянин, сыт осенью, после сбора урожая. Корреляция *еда-пиво*, которое варили в это время года, репрезентирует зависимость сытости воробья и его действий, отождествляемых с действиями человека, от сезона: *В осень (праздник) и у воробья пиво*; *Увосень (у жніўні) і верабей піва варыць (і ў вераб'я піва)*.

Во фразеологии поведение воробья амбивалентно. С одной стороны, он тих и спокоен: *Жыў, як верабей у веніку*; *Сядзіць, як верабей пад страхой (у веніку)*, с другой стороны, это отмечено и в русском, и белорусском материале, он шустр, увертлив, непоседлив, проворен, однако, по мнению белорусов, это качество больше присуще молодым воробьям (*Малады верабей, ды спрытны*); *Слово не воробей: вылетит – не поймашь / Слова не верабей: выпусціў – не зловіш*; *В моей коробьи завелісь воробьи*; *Жвавы, як верабейка*; *Няўрымслівы, як верабей*; *Былі рублі, ды перавярнуліся ў вераб'і* и др. (хотя, по белорусским наивным представлениям, его можно поймать шапкой: *Папаўся, як верабей у шапку*).

Воробей вороват, умен, хитер: *Вор воробей домосед*; *Унадзіліся, як верабей у проса*. Ум, опытность, хитрость воробья связана с его возрастом, умен и хитер именно старый воробей: *Старого воробья на мякине не проведешь / Старога вераб'я на мякіну не падманеш*.

Воробей нахален: *И воробей на кошку чирикает*; *Няма вады – вераб'і калодеж абярнулі*, драчлив: *Ластавачкі не б'юцца, а верабейкі не мірацца* и в русской фразеологии шумлив: *Шумят, как воробьи на дождь*. В белорусской фразеологии отмечается его слабое, тихое щебетание: *Ціўкае, як верабей*.

Антропоморфичность воробья ярче представлена в белорусской фразеологии. Отмечается наличие у него сердца, души, чувств – доброты и злости, любви, застенчивости, смелости: *І ў вераб'я ёсць сэрца (душа)*; *Верабей і той зло мае*; *І вераб'я каханне робіць смелым*. Русская фразеология тоже

отмечает наличие у него сердца, однако здесь сердце не символизирует чувства, это опять же эталон малого размера: *Воробьиным сердцем не возьмешь.*

У белорусского воробья, как у человека, может быть богатство, деньги: *Увосень і верабей багат; У плісіцы тры тысячы, у вераб'я тры рубля, а ў верабейкі тры капейкі*, но их меньше, чем у перелетной птицы отряда воробьиных – плиски. У него есть семья: *(І) ў вераб'я свая сям'я*. Дети воробья тоже располагают средствами, хоть и небольшими: *У вераб'я багатая сям'я: у кожнага верабейкі па тры капейкі.*

Воробей – мужчина. В белорусской фразеологии эта птица выступает в качестве мужского символа, символа плодovitости. В связи с этим становится понятным белорусский свадебный тост *За вераб'я!*, паремии *Як той кажса верабей: ніц, ніц, а поўна хата дзяцей* и *Хто за жонку ўзяў харошую маладзіцу, той для вераб'ёў пасеяў пшаніцу*. Посеять для воробьев пшеницу – привлечь мужчин к своей жене, в результате стать обманутым мужем (Садоўская 2003, 134–137). В русских фольклорных песенных текстах воробью тоже свойственна брачная и любовно-эротическая символика, связанная с мужским началом (РКП, 67), однако она не нашла отражения во фразеологии.

Когда воробей умирает, его хоронят, как человека. На похороны приходят куры – символ женского начала: *Прыйшли куры на хаўтуры: верабейка памёр*. По поводу смерти воробьев в русской фразеологии отмечается только, что *сельские воробьи гинут, как фарисейские корабли*, т. е. они умирают отнюдь не от старости.

В белорусской фразеологии воробей имеет отношение не только к мужскому, но и к женскому началу. Воробей – символ женского одиночества: *Адна, як верабей*. Таким образом, в белорусском материале ярко проявляется оппозиция мужское – женское, в русском же материале эта сема представлена лишь одной устойчивой единицей: *Сова кума, воробей зятек*.

Проживание воробья рядом с человеком обусловило наличие особых отношений между ними. Взаимоотношения белорусов с воробьем, как показывает наш материал, более теплые, чем у русских. В русской фразеологии присутствует негативный взгляд на воробья. Причина – в его вороватости: *Вор воробей домосед, а люди не хвалят*.

Однако и в русской, и в белорусской фразеологии обнаруживаем агрессивные действия человека по отношению к воробью, это можно наблюдать в устойчивых сочетаниях *стрелять в воробья* и *стреляный воробей*, *стрэляны верабей: Стрэлял в воробья, а попал в журавля; Стрэляць из пушкі по воробьям; Стрэляць з гарматы па вераб'ях*. В основе этих фразеологических единиц опять же стереотипные признаки размера и верткости. Белорусская фразеология, кроме стрельбы, отмечает и другое действие: *Вераб'ям дулі паказваць (кукішы даваць)*, то есть лениться, ничего не делать, а вместо этого дразнить и злить воробьев.

В русской и белорусской фразеологии репрезентированы отношения воробья с другими птицами. Основой сопоставлений снова послужили стерео-

типные признаки – небольшой размер птички, незначительность, близость к человеку.

Ничтожность размера лежит в основе противопоставления с журавлем: *Воробью по колено, журавлю по лодыгу; Стрелял в воробья, а попал в журавля (удача); Расскажи пра вераб'я, а перакажуць пра жураўля; Станець жураўля за вераб'я.*

В русском материале воробей сравнивается с этой птицей и по близости к человеку: *Воробей в руке лучше, чем журавль на крыше.* Последнее значение и в основе сопоставления с совой: *Сова кума, воробей зятек.*

Незначительность воробья отмечена в корреляции с соловьем: *За обедом соловей, после обеда воробей.* В русской наивной картине мира воробей символизирует человека обычного, среднего, не наделенного особыми талантами.

В белорусской фразеологии культурным антиподом воробья по размеру и близости к человеку является орел: *Арлом вераб'я назваць (похвалить), Лети мець вераб'я ў руцэ, чым арла ў на суку.* Особые отношения здесь отмечены с синицей: воробей хитрее, нахальнее ее: *Вераб'і крупы з'елі (склявалі), а сініца ў клетку папала (а сініцу за гэта ў клетку пасадзілі); Верабей проса папіў, а сінюга ў бяду ўпала,* и с ласточками: ласточки спокойные, а воробьи – драчуны: *Ластавачкі не б'юцца, а верабейкі не мірацца.* Воробей в белорусском материале образует коллекцию (термин Е. Бартминского (2005)) с вороной по причине их “неперелетности”: *Дзяржыся з варонаю и вераб'ём, яны ў вырай не ляцяць* и противопоставляется ей по размеру и силе: *Наталоханая варона і вераб'я баіцца.*

Как “домашняя” птица, воробей коррелирует не только с “небесными” птицами, но и с домашними животными, домашней птицей, чаще всего это противопоставление опять же по размеру, силе, прыти. И в русской, и в белорусской фразеологии воробей коррелирует с кошкой: *И воробей на кошку чирикает; Па восені і ў кошкі ляпёшкі і ў вераб'я піва,* в русской – с коровой: *Выпустишь с воробышка, вырастет с коровушку,* гусем: *Дай прокормить казенного воробья – без своего гуся и за стол не сядем,* индюшкой: *Индюшки от воробья не распознает,* в белорусской – с конем: *Скажаш нягодніку пра вераб'я, а ён людзям пра каня,* курами: *Прыйшлі куры на хаўтуры: верабейка памёр.* Интересно, что в русском материале наличествует корреляция с диким животным, медведем: *Гоняется как медведь за воробьями.*

Как видим, русская и белорусская наивная концептуализация воробья значительно объемнее словарного определения и одноименной сущности, его символическая нагрузка велика, как и в других культурах, это отмечают словари символов (см., например, (Тресуддер 2001, 49; Kopaliński 1990, 482)).

В результате исследования обнаружилось, что в русской и белорусской концептуализации воробья много общего: стереотипные признаки малого размера, верткости, нахальства, хитрости, локализации рядом с человеческим жильем используются для создания метафорических характеристик людей

по их свойствам, характеристики различных ситуаций, на них основываются сравнительные обороты. Вместе с тем обнаруживаются и различия.

Отношение к воробью в белорусской картине мира положительное, в русской концептуализации репрезентируется и негативный взгляд (воробей – вор, его люди не хвалят, это символ незначительности, обыкновенности). В целом воробей более концептуален в белорусской фразеологии. На это указывает не только большее количество белорусских устойчивых единиц с компонентом *воробей* (русских – 28, белорусских – 68), но и его концептуализация. Белорусский воробей, с одной стороны, символизирует мужское репродуктивное начало, с другой стороны, это символ женского одиночества. В белорусском материале отчетливее проступает его антропоморфичность: воробей может любить и ненавидеть, он имеет душу, умеет разговаривать, его можно растить и воспитывать, как ребенка (*гадаваць*), у него есть семья, дети, деньги, богатство. Наряду с мыслью о близости воробья к человеку, наряду с отношением к нему как к своему, белорусская фразеология отмечает факт принадлежности этой птички к верхнему миру, русский материал эту сему не отражает.

Литература

- Бартминский Ежи. *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*. М.: Индрик, 2005.
- БППФ – *Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы*. Склаў Ф. М. Янкоўскі. Мінск: Навука і тэхніка, 1992.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Т. 1. Тбилиси, 1984.
- Даль В. И. *Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа*. СПб.: Литера, Виан, 1997.
- Иванов В. В., Топоров В. Н. *Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период)*. М.: Наука, 1965.
- Koraliński W. *Słownik symboli*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1990.
- Лепешаў І. Я. *Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы*. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1993.
- Прыказкі і прымаўкі*. Мінск: Навука і тэхніка, 1976.
- РКП – *Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь*. М.: Гнозис, 2004.
- Садоўская А. Л. Метафарычнае выкарыстанне арнітонімаў у беларускай фразеалогіі. *Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах*. Гомель, 2001. С. 217–221.
- Садоўская А. Л. Апазіцыя мужчынскі/ жаночы ў святле беларускіх фразеалагізмаў з кампанентам-арнітонімам. *Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах*. Гомель, 2003. С. 134–138.
- СРМГ – *Словарь русских народных говоров*. Л.: Наука, 1970.
- ССЯ – *Словарь русского языка*: В 4 т. М.: Русский язык, 1981.

- СБГ – *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча*. Мінск: Навука і тэхніка, 1979.
- ТСБМ – *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1977.
- Тресиддер Джек. *Словарь символов*. М.: Гранд, 2001.
- Фразеологический словарь русского языка*. М.: Русский язык, 1986.

Liudmila Černyšova

ORNITOLOGINIS KODAS FRAZELOGIJOJE

Santrauka

Straipsnyje aprašomas rusų ir baltarusių kalbų frazeologijos fragmentas, kuriame atsispindi abiejų tautų požiūris į paukščių pasaulį. Analizuojami abiejų kalbų frazeologizmai su pagrindiniu žodžiu – žvirblio pavadinimu. Frazeologijoje išryškėja ambivalentiškas žvirblio vertinimas gretinamų tautų pasaulėvaizdyje. Frazeologijoje atsispindi ir tam tikri skirtumai, pavyzdžiui, baltarusių pasaulėvaizdyje žvirblis vertinamas daug teigiamiau negu rusų pasaulėvaizdyje.

